

Услышав слова о том, кому улыбнется удача и кто уйдет с тем человеком, Чжоу Цзюнь не смог сдержать гнев. Он пылал, раздражение было острым, с горчинкой. Избалованный господин Чжоу, ветреный господин Чжоу — когда он пробовал подобное на вкус? Женщин он всегда мог получить, вот этого мужчину — не смел. Но чем сильнее он думал о нём, тем веселее тот становился, накапливаясь внутри, пока не превратился в огромное здание, которое невозможно было сдвинуть. Этот человек заставлял думать о нём всю жизнь.

Мисс Вэнь ещё не успела насладиться своей радостью, как увидела, что генерал-майор Юн встал. Совершив галантный поклон, он пригласил даму на танец и увёл её на паркет. Она никогда не видела, как танцует генерал-майор Юн. В её кругу о нём иногда упоминали, и большинство девушек лишь застенчиво улыбались, мечтательно вздыхая, но ничего не говорили вслух.

Мисс Вэнь перевела взгляд на женщину, которую вёл Юн Цзинь, окидывая её взглядом. Она разглядывала ту, что смогла затащить легендарно неприступного генерал-майора на танцпол. В конце она слегка надула губы, подумав: «Ничего особенного». Вдруг её кавалер сжал её руку, ладонь была раскалённой, настолько горячей, что мисс Вэнь тихо вскрикнула. Не успев она опомниться, Стисон уже втащил её на танцпол.

Музыка была томной, они танцевали вплотную. Мисс Вэнь закрыла глаза, желая растаять в объятиях Стисона. Но Стисон сквозь её пышные локоны смотрел вперёд. Он смотрел на генерал-майора Юн, и в глазах читалось недовольство.

Женщина в объятиях Юн Цзиня откинулась назад, закинув стройную ногу ему на талию. Танец был двусмысленным, тела переплетались. Хотя это был танец, в глазах Чжоу Цзюня эти двое превратились в бесстыдных мужчину и женщину, трущихся бёдрами друг о друга, словно танцпол был их ложем, и в следующую секунду они должны были сплестись в узел, позабыв о стыде! Эти слова были готовы вырваться из стиснутых зубов Чжоу Цзюня.

Он подошёл с мисс Вэнь, но не успел: женщина встала на цыпочки, оставила бледный отпечаток на подбородке генерал-майора, сунула что-то ему в руку и, покачивая бёдрами, вышла с танцпола. Генерал-майор Юн провёл пальцем по подбородку и вдруг посмотрел в сторону Чжоу Цзюня. Чжоу Цзюнь замер, поспешно скрывая эмоции.

Когда он снова взглянул туда, Юн Цзиня уже не было. Найдя его взглядом, он увидел, как тот направляется к выходу. Что было написано на бумажке — номер телефона или адрес? Чжоу Цзюнь потерял самообладание. Увёл мисс Вэнь с танцпола и поспешил в ту же сторону.

Когда он нашёл его, Юн Цзинь поджигал сигарету от горячей бумажки. Рука с кольцом оберегала огонь, он показал Чжоу Цзюню лишь профиль — правильный, в дыму, с теми самыми ресницами, носом и каплей пота, которые так часто снились. Чжоу Цзюнь словно заморожен подошёл ближе.

Этот человек не собирался с ним разговаривать, подумал Чжоу Цзюнь. Придётся начать самому. Сделав несколько шагов, он произнёс:

— Зачем сжёг? Ведь с ней танцевал неплохо.

Юн Цзинь наконец посмотрел на него, но без тепла. Вопрос был глупым, но Юн Цзинь не мог его проигнорировать.

Эта мысль заставила Чжоу Цзюня вздрогнуть: когда он стал считать такое само собой разумеющимся? Раньше он боялся этого человека, а теперь эти мелкие мысли были словно

избалованного ребёнка — неприятные. Чжоу Цзюнь сжал губы, между ними повисла неловкость, придающая чужбины.

На самом деле они знали друг друга недолго, и до конца не дошли. Одно свидание, несколько встреч. Обычно при таком темпе господин Чжоу даже не утруждал бы себя вниманием к спутнице, если бы она ему очень не нравилась. Чем больше он думал, тем холоднее становилось внутри: с такой точки зрения, он поторопился и потерял чувство меры.

Чжоу Цзюнь с трудом улыбнулся:

— Это я лишнее. Моя спутница ждёт меня внутри, я пойду. До встречи.

Хотя не знал, будет ли встреча, он нервно отступил на несколько шагов перед Юн Цзинем, собираясь уйти. Спокойный голос Юн Цзиня донёсся сзади, всего два слова, но Чжоу Цзюнь застыл на месте. Юн Цзинь велел ему стоять, без особых интонаций, негромко, но весомо.

Юн Цзинь продолжил:

— Вспомнил, мистер Чжоу?

Всё так же чуждый тон, вежливый. Чжоу Цзюнь тяжело вздохнул и медленно повернулся:

— Мне приснился сон.

Юн Цзинь приподнял бровь, словно заинтересовался. Чжоу Цзюнь, говоря, сделал шаг к нему:

— Во сне, генерал-майор, вы всегда были в поту.

Он смотрел на неизменное лицо Юн Цзиня:

— Этот пот всегда капал мне на лицо, очень горячий. Как и твоё тело — оно всё время давило на меня.

Он был уже в шаге от Юн Цзиня и явно видел, как меняются его глаза. Зрачки словно окунули в густые чернила, став темнее.

Его палец коснулся кольца на руке Юн Цзиня, затем обхватил палец, ощупывая костяшку, слегка шершавую. Голос его был похож на бормотание:

— Во сне мне всегда было больно. Слово моё тело насильно открывали, и эта боль каждый раз, когда я просыпался, заставляла меня вспотеть.

При этом его дыхание касалось губ Юн Цзиня, но он не поцеловал. Господин Чжоу словно был во власти кошмара, не различая реальность и сон. Вероятно, он и сам не знал. Перед тем как выйти из машины с мисс Вэнь, они разделили косяк марихуаны, и эффект всё ещё держал его в облаках.

Поэтому, увидев Юн Цзиня, его накрыло. Будь он трезв, может, не побежал бы за ним и не говорил бы таких двусмысленных вещей. Но кто знает. Он был уже почти в поцелуе, тех губ, которые во сне касались его лица, шеи, груди.

Но Юн Цзинь схватил его за лицо. Чжоу Цзюнь ясно увидел его взгляд — лёгкое отвращение, словно холодная вода декабря, от которого он оцепенел, сердце задрожало, едва не заставив в панике оттолкнуть этого человека и бежать. Он услышал слова Юн Цзиня:

— Ты покурил марихуану?

Чжоу Цзюнь по привычке хотел отрицать, но голос был слишком уверен, а отвращение в глазах слишком явным. Он лишь выдавил неестественную улыбку:

— Просто для развлечения. За границей все так...

Он не договорил, пальцы с его лица исчезли — с силой, словно отряхнув от грязи, оттолкнули его.

Лицо Чжоу Цзюня мгновенно изменилось, зубы стиснулись. Он чувствовал, что Юн Цзинь его унизил, тогда и сейчас. Он совершил глупость, сам лез под руку. Действие марихуаны ещё не прошло, он был в импульсивном состоянии. Поэтому слова вырвались сами:

— Юн Цзинь, хватит строить из себя святого.

— В наше время ты думаешь, что можешь что-то изменить? Ты что, хочешь войны? Ты такой идеалист, как вообще стал генерал-майором? Грязные дела и методы военного министерства — не скажи, что не знаешь.

Слова становились всё резче, Чжоу Цзюнь сам себя ненавидел, но не мог остановиться, поэтому вырвалось ещё более мерзкое:

— А, да, я и забыл. Ты здесь — настоящий принц, сын генерал-губернатора Юн. Кто смеет тебе перечить?

Он ожидал, что Юн Цзинь вспыхнет гневом, может, даже применит силу. Но Юн Цзинь лишь холодно смотрел на него, словно видел впервые, и задал вопрос:

— Откуда ты знаешь о грязных делах военного министерства?

Чжоу Цзюнь словно нашёл это забавным:

— Генерал-майор Юн, в светском обществе нет секретов.

Юн Цзинь словно осознанно кивнул. Перед ним стоял господин Чжоу, похожий на бойцовского петуха: лицо красное, шерсть дыбом, готовый наброситься, совсем не в себе. Слова, которые он говорил, Юн Цзинь слышал, когда только назначили в армию, когда он, только получив повышение, взялся за самые гнилые, больные места армии; слышал и похуже.

То, что его власть размывали и ограничивали, тоже бывало; даже в особняке Юн были шпионы от разных сторон, одно неверное движение тянуло за собой тысячи последствий, и ему приходилось терпеть. Генерал-губернатор Юн не помогал бы ему, как говорил отец: «Если не можешь справиться с должностью генерал-майора, значит, годишься лишь на то, чтобы быть мусором, на который не опирается даже стена».